

- Это хорошо.
 - Хорошо, да не очень.
 - А что?
 - Да мне приходится постоянно быть на ветру и под дождем.
 - Это плохо.
 - Плохо, да не очень.
 - А что?
 - Я к этому привык.
- Можно на этом и закончить. Это вроде рассказа про белого бычка.

Новелла LXXVII О добром пьянице Жанико и о жене его Жаннете

В Париже, где люди столь разнообразны, жил портной по имени Жанико. Он никогда не отличался скупостью, ибо тратил весь свой заработок на удовлетворение своей страсти к чарке. С течением времени эта страсть возросла до того, что он решил пожертвовать ей даже своим ремеслом, ибо всякий раз, когда он, возвратясь из таверны, садился за работу и пытался продевать нитку, он чувствовал себя как новобрачный и никак не мог попасть в ушко. Вместо одной нитки он видел две и часто пришивал рукав не тем концом. Так, мало-помалу он забросил это противное шитье совсем и смело посвятил свою жизнь блаженному пьянству. Забравшись в таверну с утра, он уже не выходил из нее до вечера. Иногда его отыскивала там жена и принималась осыпать его бранью, но он спокойно проглатывал всю ее брань и запивал ее чаркой вика. Нередко ему даже удавалось смягчить ее ласковыми словами и усадить с собой за стол.

- Дорогая моя, отведай-ка этого вина, – говорил он ей, – такого вина ты еще никогда не пила.
- Как же! Буду я пить! – отвечала она. – Уйдешь ли ты отсюда, пьяница?
- Эх, Жаннета, да ты только немножко попробуй! Сколько можешь.

И она в конце концов поддавалась его просьбам, рассуждая про себя: «А ведь за это придется платить и мне. Выпью-ка я свою долю». Правда, она была несколько умереннее Жанико и никогда не напивалась до того, чтобы у нее не хватило сил увести его домой, а ведь надо полагать, что разлучить Жанико с кружкой было не легко. Иной раз она сердилась и муж ей говорил:

– Жаннета, ты знаешь, что я вчера видел? Вот этот господин... Ты меня понимаешь? Я больше об этом ничего не скажу, Жаннета. Но только дай мне допить. Ступай же, дорогая. Я приду вслед за тобой.

И снова за кружку. А возвращался он всегда в таком состоянии, что лучше знал, откуда он идет, чем куда (ибо улица казалась ему недостаточно широкой), и шел покачиваясь, ковыляя и спотыкаясь. Всякий раз он стучался впотьмах о какую-нибудь дверь или телегу и сажал себе на лоб шишку, но ушиб заживал прежде, чем он успевал его заметить. Несколько раз он падал с лестниц и проваливался в люки погребов, но все это сходило ему благополучно: бог всегда был к нему милостив. Если вы спросите, откуда же он брал деньги, то я скажу вам, что в доме у него не осталось ни одной тарелки и ни одной миски. Застигнутый нуждою, он начал продавать скатерти и одеяла с кровати, а когда с ним в попойке принимала участие жена – ее пояса, шляпки и платья, если они попадались ему под руку. Почему ему было не воспользоваться ими, если и жена поддавалась этой страсти? Надо же было чем-нибудь ее поить! Да и у него всегда находился какой-нибудь плательщик, ибо ведь чем в верхнем окошке икалось, тем нижнее откликалось. Кстати, надо упомянуть, что Жанико всегда носил с собой трехчарочную бутылку, держал ее ночью возле себя и, просыпаясь, всякий раз отпивал от нее несколько глотков. Даже во сне он не мог забыть о своей бутылке, и до того изловчился, что во время сна держал ее в руке и пил из нее, словно совсем не спал. Зная о его привычке, жена частенько предупреждала его – выпивала из бутылки все вино, а затем наполняла ее водой, и бедный Жанико пил спросонья воду. Иногда он просыпался от этого, ибо вода вызывала у него во рту противный вкус, но снова засыпал, не находя нужным поднимать из-за этого ссору.

Большей частью на их кровати вместе с ними помещался некто третий, исполняя с Жаннетой тревизанский танец,²⁵⁸ но Жанико не было до этого никакого дела. Иногда он пытался разбавлять

²⁵⁸ Тревизанский танец – эротический намек (почему здесь упомянут итальянский город Тревизо – неясно).